

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Х89

Серия «Fantasy-world»

Выпуск 28

Оформление обложки *Станислава Дудина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Храмов, Виталий Иванович

Х89 Звездный половец; роман / Виталий Храмов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 480 с. (Fantasy-world).

ISBN 978-5-17-114334-3

Попловец в далёкую-далёкую галактику. Обыкновенный человек оказался в другом месте не в то время.

Межзвёздные космические корабли, масштабные космические битвы. Но всё это будет потом. А для начала чужаку надо устроиться в этом чуждом для него жестоком мире. И он не допустит, чтобы его растёрли в межзвёздную пыль неумолимые жернова обстоятельств.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-114334-3

© Виталий Храмов, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Введение

История эта началась однажды в далёкой-далёкой галактике. Нет, не в той галактике, где сипел неисправным экзоскелетом Дарт Вейдер. Хотя — кто знает? Одним словом, в другой галактике, но не менее близкой к нам с вами. Разделённой с нами немислимыми расстояниями пространств и, возможно, временем.

История эта началась буднично, как и начинается любая история — с ошибки. Если никто не ошибается, то история — не случается. Получается — отчёт. А история — всегда начинается с ошибки. А если в результате ошибки не в том времени и не в том месте оказываются не те люди, то история становится и вовсе необычной. А от этих людей, «попавших не туда», и зависит, чем эта история будет — комедией, фарсом, трагедией. Или — героическим эпосом. Или книгой Апокалипсиса, как знать?

Совершающие ошибку люди не думали об этом. Они проводили опыт. Как та обезьяна, что пытается вызвать отклик от гранаты, дёргая за кольцо. Предмет, над которым они экспериментировали, стойко терпел их неразумные домогательства. Но и у камня терпение ограничено и конечно. И артефакт неизвестного происхождения и с неизвестными свойствами высказал своё громкое «Фи!», не только уничтожив неразумных, что считали себя очень учёными и умными, но и вызвав пространственно-временной пробой, хаотично перемещая души, оторвавшиеся от своей реальности — в реальности иные.

Эта ошибка оказалась связана и со мной, моей реальностью и современностью. Вырвав меня из нестройных рядов наших соотечественников.

Хотя справедливости ради упомяну, что не будь этой ошибки, я так и не вернулся бы в строй, а соответственно, не было бы этой истории, а был бы короткий некролог в местной газете. Или — короткое сообщение в рубрике «ЧП».

Но обо всём по порядку. Итак, позвольте представиться...

Часть 1

Стерильная планета

Глава 1

В а д и м

Я с нетерпением и облегчением завершил, наконец, работу над сайтом для этой суматошной гражданочки, что задёргала уже своими звонками. Скинул данные на флешку и открыл электронку.

И — застонал. С обеда я не проверял почту. Пятница, конец дня, потому ценных и срочных ТУ накидали немерено. И половина — со сроком вчера.

— Пятница, сокращённый день, — пробормотал я, чувствуя, что влетел в чёрную полосу проблем и головных болей.

И словно в ответ — звонок рабочего мобильного. Точно шеф.

— Ты там спишь?! — запищал мобильник. — Срочно! Отчёт им... этим... дай! Не хочу сюда тащиться завтра!

— Что писать? — обречённо вздохнул я. — Как обычно?

— Нет, гля! — взревела трубка. — Весь комплекс требований высокого, мать его, начальства выполни! В срок!

— Понятно! — пробормотал я в ответ.

— Исполни, раз тебе понятно! — ответила трубка. Вызов прервался.

Автоматически посмотрев на пустой стол шефа, я полез по папкам и файлам, чтобы в прошлых отчётах переправить даты и по паре слов, да отправить всем этим «переживающим», что у них, у нас — всё «в ажуре», всё проверено, все розетки не висят, вывалившись с мясом из стен, а как положено — закреплены. Что огнетушители в норме, хотя сами же «переживающие» не продлили договор на обслуживание просроченных.

— Так, с «пожарниками» разобрались, — бормочу я, отправляя сообщение с файлом, — кто следующий?

Это называлось — отписки. За те годы, что я трудился в этом кабинете, количество этих бессмысленных бумаг выросло даже не в разы. А на порядок. И если лет шесть назад по каждому такому ТУ действительно что-то делали, то теперь просто отсылаем отписки. Потому что раньше таких ТУ было по два-три в квартал, то теперь — два-три в день. Да и потому что не реально не то что всё выполнить, нереально даже пытаться выполнить. Да и не нужно это никому. В одном из таких отчётов я в матерной форме написал, как меня задрали этой бессмысленной дребеденью. Word, как положено, всё подчеркнул красным, намекая, что в деловой переписке подобные выражения не комильфо, но я так и сохранил, да и отправил. И искренне ждал разье... нагоняев от вышестоящих руководителей. И — ничего. Или инстанция, которой я отчитывался, оказалась с понятием юмора, либо просто всю эту макулатуру никто не читает. Поставили галочку, что «этот» отчитался, да и всё.

Опять трезвонил телефон. Я поморщился — теперь звонил личный мобильник. Жена. И рабочее время — вышло. И дочь уже не успеваю забрать. Шумит. Выслушал, пролепетал дежурное, что не успел, что отчёты, что начальство совсем шизанулось и задолбало.

Настроения не осталось совсем. Но никто не виноват, кроме самого себя! Решил в обед повозиться с этим приработком, да так и не заметил, что «обед» растянулся до конца дня.

Когда с отписками было покончено, в здании остался только я. Потому мне и пришлось всё обойти и закрыть все двери, положив ключ в нишу выпавшего кирпича. Да-да — совок не ушёл насовсем. И не отовсюду.

Если пошла непруха, так по самые гланды! Ещё и «ласточка» капризничала, не хотела заводиться. Говорили, что «Логан» надёжнее отечественных машин. Но видимо, мне попался не тот «Логан». Ковыряться с ним приходилось не меньше, чем с «четырнадцатой», владельцем которой я был до этой «иномарки» московской сборки.

Трудился я техником по обслуживанию информационной сети в одной полувоенной, полудебильной, полужакрытой структуре. С её знаменитой присказкой, что работают в ней только полудурки. Умные — не идут, а совсем дураков — комиссия не пропускает. Но я считаю, что устроился неплохо. Не кайлом на ж/д-путях машу. Сижу в кабинете, разбираю мутки заглочивших сетей, сломавшейся оргтехники. Бывают, конечно, загибы ума за разум, такая уж структура, но всё же у меня их было меньше, чем могло бы быть.

И — пишу программки и сайты в свободное от работы время, прямо на работе. Это — приработок. Только скинуть их заказчику прямо с рабочего места — нельзя. В «структуре» — своя, закрытая сеть, не имеющая выхода в Интернет.

Дорога была настолько привычна, что вел я почти на автопилоте. Вот и дом. Привычно, как в «Дне сурка». Всё привычно. И моё место на стоянке — занято. Пришлось раскорячивать машину, оставляя задок на дороге с риском, что невнимательный либо пьяный водитель его просто снесёт.

И дома — привычные, дежурные, претензии жены, крики, что я никто, звать меня никак, что я не мужик. Не зарабатываю, о ней и дочери не забочусь. летаю в облаках, только о своих «программках придурочных» и думаю.

Нет, я не отвечаю. Не спорю, что я — эгоист, самолюблённое ничтожество и слизняк. Я даже не думал о том, куда делась та красивая и ласковая девочка, которую я брал в жёны. Или — которая брала меня «в оборот», «захомутав» — это с другого взгляда. Вопрос этот был философским, а сегодня — пятница. И я так устал, что любое шевеление мыслей было неподъёмным.

Я поцеловал дочку, которая скривила личико, показывая, что «ну вот, опять!», и прошёл на кухню. Плита была заставлена сковородами и кастрюлями. Полными, горячими.

— Вот выкину щас всё в толчок! — продолжала разоряться жена.

— Я тоже люблю тебя, — ответил я, причём искренне.

— Пошёл ты! — отрезала она, разворачиваясь. Вышла из кухни, продолжая выговаривать из прихожей, обуваясь: — Еду — сготовила. Солнышко — поела уже. Уложишь. Бельё в машинке. Разбери, развесь. Я — к Наташке. Заберёшь.

Хлопнула дверь. Я поставил пиво обратно в холодильник — я, оказывается, ещё за рулём, махнул жене вслед, типа «Иди-иди! Тише будет».

Тише не стало. Дочка тут же села за стол напротив. И — тараторит, тараторит. О таких важных, для неё, детских вещах, которые для меня никак не могли быть важными и интересными. Но надо проявлять интерес, поддакивать, да попадать в такт. Дочь обидеть не хотелось совсем. Хотя сегодня её щебетание умиления, как обычно, не вызывало.

— Что, пап, совсем задрали? — участливо спросила дочь.

Я и сейчас, автоматом, дежурно поддакнул, но спохватившись, рассмеялся, обнял дочь, поцеловал в макушку:

— Какая же ты у меня умница!

Самый лучший выход. Дочка ускакала, тут же из зала донесли до тошноты знакомые голоса героев и мелодии любимых мультфильмов дочери.

Ужин, посуда, бельё, скинуть файл, полчаса убить в переписке с заказчиком, что опять изменила требования к этому, уже ненавидимому «калыму», даже пытаться не стал переделывать — сегодня явно не заладится. Два часа незаметно улетели, пока проверял почту и сайты.

Дочь подозрительно притихла. То щебетала, играя в куклы и этого розового рогатого коня, а тут — тихо. Точно — время «детское» кончилось. Я погасил компьютер. Дочь сейчас же заявила, что голодна, спать не хочет «ну, совсем!», хочет в туалет. И вообще — «завтра выходной!».

Пока ели, бесяще-неспешно, пока туалет, то, сё, то уже и у самого глаза слипаются. Какая катка в «Танки»? Слиться задаром, не сбив ни одной звезды? А дочь — не засыпает одна. Только на моей руке, прижавшись ко мне спиной.

Пока дочь засыпала, пролазил весь «Тютюб», как его называла дочь, на телевизоре в спальне, да так и уснул под бормотание очередного блогера.

Разбудил меня телефон. Подвыпивший голос жены — опять орал. Ну да, это был уже четвёртый её звонок. Первых трёх не слышали ни я, ни дочь, что так и спала на моей руке.

Переложил дочь на её постельку, накрыл, накинул на свои плечи ветровку, по тяжести карманов «пощупав», что права и ключи на месте.

Пока завёл машину, стала бить крупная дрожь — похолодало в ночь. Настывшая машина. Спросонья — околел. Чтобы печь быстрее начала гнать тёплый воздух, газанул по знакомой, до автопилота, дороге.

Вспышку я ещё успел увидеть, а вот удара уже не услышал.

Водитель, что врезался прямо в водительскую дверь моего «Логана», уронив телефон, когда пытался ответить на вызов переживающей за него супруги, опустил глаза за телефоном, не заметил не только, что выехал на встречу, но не увидел и вылетевший на дорогу легковой

автомобиль. А я — спросонья, да в спешке — не увидел авто на главной дороге. Да, на моей полосе, да, с подвыпившим водителем за рулём, что забыл включить свет своей машины, отвыкнув на иномарке, разбитой им два месяца назад, что на отечественной машине свет надо включать — принудительно, а не вместе с поворотом ключа зажигания.

Прибывшие на место ДТП полицейные долго чесали затылки. Они привыкли уже, казалось, ко всему. Но чтобы машина всмятку, в покорёженном салоне кровь, обрывки окровавленного тряпья, даже кусок скальпа с окровавленными волосами на полосе металла, а тела — нет? Обход территории расширяющейся спиралью не помог обнаружить тело.

Потому хоронили закрытый гроб с кусочками плоти и обрывками тряпок, по анализу крови, а потом и генетической экспертизой установив, что они точно принадлежали владельцу разбитой отечественной иномарки. А исчезнувшее тело пополнило список городских легенд.

Но это уже не имеет отношения к нашей истории. Тем более новая жизнь семьи Головановых без меня, Вадима Голованова.

А куда же делся сам водитель «Логана»? Сейчас он появится. Вот-вот! Вот!

Читатель, вспомни появление Арни Чёрнокузнецова в классическом «Терминаторе». Вспомнил? Благодарю, читатель, ты упростил мне описание спецэффектов моего появления в далёкой-далёкой галактике. Нет, ещё раз напоминаю, не в той далёкой-далёкой, где махались разноцветными фонариками, а злобно хохочущий Пал Палыч изображал электрошокер. Но опять же это не имеет значения.

Итак, осознал я, что лежу на пластикобетоне в позе эмбриона, в соответствующем эмбриону костюме Адама. И даже без фиги и листа. Но целый и — невредимый. Как заново рождённый. И даже выбритый. Наголо. Под нуль.

Абсолютный. Во всех местах тела. Даже ресниц не было, не то что бровей.

Итак, пришёл я в себя, сел, щуя глаза, которые слепил яркий утренний синеватый свет ГН-3098. Осмотрелся щёлками глаз, потряс головой. Не помогло. Протёр глаза. И даже — побил себя по щекам. Надеюсь, что «отпустит».

Не «отпустило». Пришлось вставать на ноги и использовать первичный метод познания — щупать. Гладкую и чуть шероховатую светло-серую ровную поверхность дороги, убеждаясь, что это не асфальт. И на бетон не очень похоже. Продолжил щупать стены зданий, зажимающих дорогу в узкий переулок. Щуриться на странное солнце, что давало не тёплый желтоватый свет, а холодный голубоватый свет люминесцентной лампы.

Громкий, непривычный, но до боли знакомый звук заставил вздрогнуть, обернуться. И заставил мои ноги бежать от источника звука прежде, чем глаза рассмотрели собственно сам источник этого звука. Потому что инстинкт и рефлексы мне подсказали раньше, чем глаза и разум, что такие нарочито неприятные звуки используют «полицейские» всех стран и народов. А голому, ничего не понимающему человеку от этих служителей правопорядка ничего хорошего ждать не приходится. Потому ноги сделали сами себя, унося владельца этих ног подальше от сирены.

Потому что сознание в моём теле — отсутствовало. Спасовав от вида черно-белого транспортного средства, перемигнувшего сине-красными огнями. Транспортное средство не имело привычных стёкол. Не затонированных, а вообще. Никаких. Но не это вызвало когнитивный диссонанс, а отсутствие колёс. Перемигивающееся нечто висело в воздухе на пару ладоней от серой поверхности. А под ним — лёгкое искривление воздуха.

«Оно летает!» — была первая, она же последняя мысль в моей голове.

Дальше — бессознательное тело делало то, что оно привыкло делать — убегало от ментов.

Не то чтобы был я жуликом или преступником-рецидивистом. Но как-то привык, что я, как и остальные члены нашего общества, и менты должны находиться в разных реальностях. Даже не на разных сторонах улицы, а вообще вне видимости друг друга. Ну не любят у нас полицейеров. Не то чтобы боялись их, а просто стараются не видеть. Как стараются не замечать цыган, бомжей, бездомных собак и — ментов. А при столкновении с этими людьми в погонах и в асфальтовой форме всякий старается максимально разорвать с ними дистанцию, даже не чуя за собой «косяка». Без ментов как-то проще. А с ними — как-то сложно всё. По закону да под протокол. Долго и нудно.

А тем более, когда ты голый, явно укуренный, под глюками, неизвестно где. И не помнишь, как ты попал сюда, как и кто тебя «укурил», и понятия не имеешь, когда тебя «отпустит».

А пока я бегу, познакомимся с ещё одной жертвой «ошибки умников».

Он был, так же как и я, гол, лыс, но — могуч ростом и телосложением. Нет, он не был обладателем массивной и рельефной мускулатуры мистера Олимпии, но широкие его плечи, широкие ладони на длинных руках и ступни на ногах-ходулях говорили сами по себе, что скелет этого человека фундаментален и очень прочен. Мускулы его были развиты, но не как у культуриста, а скорее, как у легкоатлета. Его стального цвета глаза с ледяным спокойствием смотрели на безжизненное море у его ног.

Только рассказать про этого человека особо и нечего. Потому что он и сам о себе рассказать ничего бы не смог. Первое, что было в его жизни — как раз это самое море и голубой свет ГН-3098. Как вы поняли, человек этот полностью утратил не только свою самоидентификацию, но и память — полностью. И в голове его не было

никаких мыслей, только шум, похожий на шум морских волн, набегавших на волнорез.

Естественно, высокий голый и лысый человек, неподвижно стоящий на набережной, привлёк к себе внимание. А ввиду раннего утра, когда добропорядочные люди ещё спят, он привлёк к себе внимание недобропорядочных.

Трое отморозков, иначе и не назовёшь, возвращались с «дела». Злые, потому что «дело» не выгорело. А «стимуляторы», принятые ими, уже выветривались. Вот они и докопались до длинного, выпытывая у него, чего он тут встал, мешая пройти уважаемым людям. Почему он так одет, а точнее, не одет, не возомнил ли он о себе слишком много, почему он смотрит так дерзко, и вообще — хочет ли он проблем?

Но высокий голый и лысый человек ничего не отвечал. Он с искренним вниманием слушал отморозков, с детской непосредственностью смотрел на их танцы и распальцовку. А самым бесящим отморозков был тот факт, что лысый не проявлял должного к ним уважения, то есть не боялся их. Совсем. Как ребёнок не боится ничего, так как не знает, насколько опасен и болезнен этот мир. Особенно — насколько опасны населяющие этот мир двуногие болтливые сущности.

И это было последней каплей для чаши терпения хозяев улиц. Один из отморозков раскрыл телескопическую дубинку, ударил лысого этим прутом в основание шеи.

Высокий человек взвыл. Боль, ощущаемая им впервые, ему не понравилась.

Отморозки тоже немного подвисли — этот удар должен был свалить любого человека сразу же. Удар был хорош — вон даже прут погнулся. Чего раньше не случалось. А любая непонятка у всех индивидуумов со слабо развитыми мыслительными способностями примитивно устроенной психики вызывает однозначную реакцию — агрессию. Потому они кинулись все трое. Опять же —